ЗМІСТ

Преступление, стыд и воссоединение

Подивитись анотацію та купити на **jurkniga.ua**

Анотація

Эта работа появилась в 1989 году. Ее автор — знаменитый австралийский социолог и криминолог, профессор исследовательской школы социологии Австралийского государственного университета. В 1991 году эта книга получила мировое признание как внесшая наибольший вклад в криминологию последних трех лет. Согласно концепции Джона Брейтуэйта, в основе социальной регуляции преступности лежит чувство стыда. Именно внушение стыда может, с его точки зрения, стать силой, формирующей общество. Автор защищает и обосновывает идею восстановительного правосудия как альтернативы современному уголовному правоприменению.

Джон БРЕЙТУЭЙТ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ, СТЫД И ВОССОЕДИНЕНИЕ

Перевод с английского
И. Е. Покровина

Издательство
«КНТ»
Киев – 2021

УДК 343.9
Б 87

Перевод с английского
И. Е. Покровина

Брейтуэйт, Джон
Б 87 Преступление, стыд и воссоединение / Джон Брейтуэйт. — Киев: Изд. «КНТ», 2021. — 320 с.

ISBN 978-611-01-2477-5

Эта работа появилась в 1989 году. Ее автор — знаменитый австралийский социолог и криминолог, профессор исследовательской школы социологии Австралийского государственного университета. В 1991 году эта книга получила мировое признание как внесшая наибольший вклад в криминологию последних трех лет. Согласно концепции Джона Брейтуэйта, в основе социальной регуляции преступности лежит чувство стыда. Именно внушение стыда может, с его точки зрения, стать силой, формирующей общество. Автор защищает и обосновывает идею восстановительного правосудия как альтернативы современному уголовному правоприменению.

УДК 343.9

ISBN 978-611-01-2477-5

© Брейтуэйт Джон, 1989, 2021.
© Издательство «КНТ», 2021.

ВСТУПЛЕНИЕ

Для меня большая честь писать предисловие к русскому изданию этой книги. Однако я испытываю и смущение, поскольку уверен, что в России существуют богатые многовековые традиции восстановительного правосудия, из которых я мог бы немало почерпнуть, но изучить которые у меня не было возможности. Восстановительное правосудие — одна из тех областей, где теория, похоже, всегда отстает от практики, иногда на целые столетия. Мне хотелось бы верить, что российские читатели не воспримут эту книгу как самодостаточный набор утверждений, претендующий на то, чтобы быть истинным. Я надеюсь, что ее прочтение скорее стимулирует ваши собственные размышления по поводу того, какое применение идея воссоединяющего стыда может найти именно на русской почве.

Начать я бы хотел с рассказа о том, как книга «Преступление, стыд и воссоединение» связана с мировым общественным движением за восстановительное правосудие. Затем я позволю себе остановиться на тех выводах моей теории, которым было уделено меньше внимания и которые выходят за рамки собственно восстановительного правосудия.

Книга была закончена в 1988 году, и в то время я еще не слышал о концепции «восстановительного правосудия», которое тогда было распространено весьма локально — в северной части североамериканского континента. Не знал я также и о дебатах вокруг *«Закона о детях, подростках и их семьях»*, принятого годом позже в Новой Зеландии. Этот законодательный акт, которым в Новой Зеландии вводилась система семейных конференций, стал еще одним практическим шагом, предпринятым независимо от теории восстановительного правосудия и опережавшим ее. В 1989 году в Новой Зеландии не существовало и подобия общественного движения за восстановительное правосудие.

В конце концов все эти направления деятельности соединились. Новая Зеландия подключилась к возникшему в Северном полушарии общественному движению за восстановительное правосудие. Австралия извлекла уроки как из североамериканского, так и из новозеландского опыта, создавая при этом собственные оригинальные конструкции правосудия. Новозеландская

восстановительная практика семейных конференций представляется мне прекрасным практическим применением теории воссоединяющего стыда.

Большинство новозеландцев, однако, смотрели на это иначе. И в самом деле, я согласен, что за действенностью и нравственной приемлемостью конференций восстановительного правосудия, помимо внушения чувства воссоединяющего стыда, стоит и многое другое. Это и проникновенная идея Дэна Ван Несса о том, что, поскольку преступление неизбежно наносит раны, правосудие должно исцелять. Это и демократический принцип, который позволяет каждому человеку, так или иначе затронутому преступлением, иметь право голоса в определении того, как должна разрешаться создавшаяся ситуация. Это и ставший на настоящий момент объемным пласт данных, кратко изложенных в моей готовящейся к изданию книге «*Restorative Justice and Responsive Regulation»* (Oxford), о том, что восстановительное правосудие укрепляет процедурную справедливость всего уголовного процесса и наполняет бóльшим практическим содержанием деятельность по защите прав человека.

Кроме того, идея восстановительного правосудия о необходимости ставить в центр круга проблему, а не человека находит прямое подтверждение в развернутой в книге «Преступление: стыд и воссоединение» концепции о необходимости избегать клеймения. Под «кругом» здесь понимается все, кто был затронут преступлением: жертвы и их близкие, правонарушители и те, кому они дороги (семья, друзья), а также другие члены сообщества и соответствующие представители государства.

В моем исследовании утверждается, что клеймение — это такая форма внушения чувства стыда, которая усугубляет проблему преступности. Клеймение — эта неуважительная, унизительная, отчуждающая форма внушения чувства стыда, которая с нравственной точки зрения оказывается менее подобающей, нежели внушение чувства воссоединяющего стыда. С недавних пор авторы критических обзоров законов США стали проявлять интерес к дебатам по поводу достоинств и пороков «постыдных наказаний» в уголовном праве. Такие наказания носят, как равило, клеймящий характер (например, табличка на доме, которая гласит, что хозяин был осужден за жестокое обращение с детьми) и поэтому являются

контрпродуктивными с точки зрения теоретических положений, выдвигаемых этой книгой.

Глубоко неправильно «читать нотации», бранить или осуждать человека за его преступление в ходе конференций восстановительного правосудия или во время проведения

«круга». Исследование Натана Харриса, опубликованное в вышедшей в 2001 году книге Элайзы Ахмед, Натана Харриса, Джона Брейтуэйта и Валери Брейтуэйт *«Shame Management Through Reintegration»* (Cambridge University Press), показывает, что неодобрение, как правило, неэффективно, если его выражает чужой для наказываемого человек. Полицейские и судьи, отчитывающие преступников, с точки зрения контроля над преступностью занимаются, в общем, бесполезным делом.

С другой стороны, представленные в этой книге исследовательские результаты показывают, что если правонарушителю становится совершенно очевидно, что люди, которых он любит, уважает, которым в значительной степени доверяет, решительно не одобряют совершенное им преступление, то он с большей вероятностью будет испытывать угрызения совести и желание исправить содеянное. Особо действенным оказывается такое неодобрение, которое высказывается в рамках уважительного отношения к провинившемуся. Воссоединяющий жест прощения со стороны близких важен еще и потому, что добавляет мощи тому неодобрению, которое они высказывают в отношении поступка. Прощение показывает, что за неодобрением не скрывается утверждение о том, что правонарушитель, в сущности, порочен; неодобрение оказывается связанным с поддержкой нравственности и признанием страданий, которые испытала жертва.

Наиболее мощная форма проявления чувства воссоединяющего стыда — не осуждение со стороны других, но осуждение нарушения самим правонарушителем — принесение извинений. Извинения представляют собой также наиболее мощную форму реабилитации и признания, которую может получить жертва, ибо они исходят от человека, в наименьшей степени заинтересованного в осуждении проступка как дурного с нравственной точки зрения. В

«Преступлении, стыде и воссоединении» теме реинтеграции жертвы не уделяется достаточного внимания. Это упущение была отчасти исправлено в следующем году (1990), когда Филиппом Петтитом и мной была опубликована книга, в которой излагалась

нормативная теория, дополняющая объяснительную теорию «Преступления, стыда и воссоединения». Эта книга называлась «*Not Just Deserts: A Republican Theory of Criminal Justice*» (Oxford University Press).

Читателей зачастую сбивает с толку широта понятия «внушение чувства стыда» в «Преступлении, стыде и воссоединении», которое охватывает как клеймение, так и реинтеграцию, как прямые, так и косвенные способы выражения стыда. Причина этой широты заключается в желании показать не то, что внушение чувства стыда — это какой-то заранее заданный процесс (плохой или хороший), но то, что это процесс всегда разный — иногда очень хороший, иногда очень плохой — в буквальной зависимости от того, как нам удается воззвать к этому чувству и актуализировать его.

Многие критики полагают, будто я чрезмерно увлечен положительными эффектами внушения чувства стыда. Однако на самом деле я полагаю, что деструктивное воздействие клеймящего стыда много сильнее продуктивных эффектов внушения стыда воссоединяющего.

Элайза Ахмед в своей статье в сборнике «*Shame Management Through Reintegration*» рассматривает признание стыда как особенно важный момент, помогающий и жертвам, и правонарушителям избавиться от чувства стыда или преодолеть его. Эта работа, в сущности, являющаяся продолжением моей, стала попыткой сместить фокус с практик внушения чувства стыда (что превалирует в «Преступлении, стыде и воссоединении») на не освещенную там тему *стыда как эмоции*. Признание чувства стыда рассматривалось в этой книге как ключ к преодолению деструктивности этой эмоции, которая неизбежно проявляется с каждым обвинительным приговором. Именно поэтому важно сделать воссоединение частью практики внушения чувства стыда, так же как осознание и признание — включить в переживание этого чувства. Тогда наши практики управления этим процессом помогут нам предупреждать преступность и исцелять жертв, нарушителей и их близких.

В каком-то смысле мои коллеги в Австралии были важной частью общественного движения за восстановительное правосудие на протяжении двадцати лет. Бóльшую часть этого времени мы работали над темой корпоративной преступности. То, чем мы занимались, мы называли «чуткое регулирование» или «коммунитарное регулирование», а не «восстановительное

правосудие». Брент Фисс и я назвали нашу вышедшую в 1983 году книгу «Влияние негативного паблисити на корпоративных преступников», не ссылаясь при этом на понятие *стыда*. Еще до оформления восстановительного правосудия как прореформистского движения мы занимались тем, что исследовали проблемы восстановления потерпевших, преступников и сообществ. Стыд являлся одной из центральных проблем наших теоретических исследований, а конференции были важны для нашей практики.

Дискуссионные, основанные на диалоге институты гражданского республиканизма[1], в частности конференции, имеют ценность для разрешения множества проблем, даже боле важных, чем проблема преступности. Ядро моего теоретического подхода составляет точка зрения, в соответствии с которой стыд и гордость — эмоции, играющие центральную роль в понимании наших самых глубоких проблем — от войн до глобального потепления. До тех пор, пока мы не поймем, как чувства стыда и гордости влияют на идентичность и проявляются в политике, мы не сможем стать свободными и противостоять властному произволу и насилию ни на местном уровне, ни в международном масштабе.

Такая теоретическая позиция имеет свои изъяны и, без сомнения, является частной и требует дополнения в виде многих других теорий, что и было сформулировано в начале «Преступления, стыда и воссоединения». Чтобы быть хорошим ученым или хорошим общественным деятелем, вообще лучше исходить из того, что твои теории по большей части неверны или неприменимы в реальности.

В своих работах, написанных после «Преступления, стыда и воссоединения», я выдвигал идею о том, что восстановительное правосудие не является главным выводом теории в вопросах контроля над преступностью. Один из более важных уроков — это необходимость для участников общественных движений направить

---

[1] Гражданский республиканизм (англ. civic republican) – политическая позиция близкая Дж. Брейтуэйту. Автор комментирует данный термин следующим образом: «Обычно значение слова «гражданский» подразумевает вовлечение общности в обсуждение, дискуссию. Обычно слово «гражданский» ставится перед «республиканизм» или «республиканец», что бы не думать, что это имеет отношение конкретно к республиканской партии США. Гражданский республиканизм означает философию республиканизма социально-демократического характера, связанную с традицией Цицерона и Римской республики, Монтеске, Джефферсона и т.д. Эта философия разделяет с либерализмом акцент на свободе как центральной проблеме, но отличается контекстом, в котором мыслится свобода. Республиканская свобода – это свобода от господства (чье предельное выражение – рабство), а не просто свобода быть оставленным в покое другими. *Прим. ред.*

внушение чувства стыда по воссоединяющей модели против злоупотреблений власти. Нужно доверять людям, если вы сторонник гражданского республиканизма, полагающий, что люди, а не государство являются наиболее важными агентами социального контроля. Если вы убеждены в том, что большей части насильственных действий противостоят не полиция или суды, но семьи, церкви, школы, футбольные клубы и дружеские компании, если вы верите, что понимание различия между внушением чувства воссоединяющего стыда и клеймением является ключевым моментом для эффективного противостояния насилию, тогда много важнее донести это понимание непосредственно до людей, а не до профессионалов из правоохранительных органов.

Другой способ, которым теория, изложенная в этой книге, вносит вклад в социальное движение и политику контроля над преступностью, — это прояснение того, что такие серьезные и широко распространенные преступления, как домашнее насилие и преступления белых воротничков, именно потому и распространены столь широко, что эти преступники ограждены от чувства стыда. Они защищены от его влияния структурами власти. Нужны конкретные политические действия социальных движений, способные встряхнуть эти структуры власти, например действия экологических групп, которые утверждают постыдность преступлений против окружающей среды, или объединений женщин, заявляющих о неприемлемости насилия в семье, или гражданских объединений, позорящие политическую коррупцию, и так далее.

Я с сожалением констатирую, что исследований, призванных определить обоснованность утверждений, изложенных в этой книге, было не столь много, как можно было бы ожидать. Имеющиеся исследования резюмированы в «*Shame Management Through Reintegration*». В них подвергается сомнению что клеймение и внушение чувства воссоединяющего стыда являются противоположными полюсами одного континуума. Также высказывается предположение о том, что, возможно, было бы правильнее рассматривать внушение чувства стыда и реинтеграцию (воссоединение) как отдельные переменные с отдельным и суммарным эффектом в предотвращении преступности, а не как составную переменную — внушение чувства воссоединяющего стыда. Несмотря на то, что данные подрывают некоторые

концептуальные основы моей теории, они также подтверждают ее потенциал в области объяснения преступности. Я надеюсь, что русский перевод окажет стимулирующее воздействие на российскую исследовательскую традицию в отношении как воссоединяющего стыда, так и восстановительного правосудия, а перспективы и недостатки теории будут выявлены в процессе анализа, проводимого именно в России. Я выражаю глубокую благодарность Михаилу Флямеру и его коллегам за огромный труд и интеллектуальные усилия, которые были необходимы для того, чтобы такая возможность появилась.

Джон Брейтуэйт Октябрь 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Создать *общую теорию преступности* — начинание весьма претенциозное. Хотя теория, изложенная в этой книге, претендует на то, чтобы быть общей, она в то же время носит *специальный* характер — прежде всего потому, что автор прекрасно осознает необходимость существования теоретических исследований по конкретным видам преступлений, которые могли бы составить общую теорию.

Автор отнюдь не стремится последовательно развенчивать конкурирующие теории, чтобы продемонстрировать превосходство *теории воссоединяющего стыда*. Предположим, в рамках теории представлены данные о том, почему женщины меньше вовлечены в преступность, чем мужчины. Ряд исследователей полагает, что объяснение следует искать на генетическом уровне. Автор не ставил перед собой задачи опровергнуть эту точку зрения, но при помощи известных науке данных лишь проверил логичность и состоятельность этого объяснения. До того момента, пока новая теория не прошла систематическую проверку, нельзя утверждать, что следует отказаться от более ранних, в той или иной степени проверенных теорий. Это можно сделать лишь в том случае, если есть основания полагать, что новая теория способна не только объяснить любой факт, который объясняла теория старая, но и пойти значительно дальше. Вероятно, в конце концов мы сможем утверждать, что эта новая теория истолковывает значительное количество фактов, которые вообще не учитывались существовавшими ранее специальными исследованиями.

К счастью, для того чтобы утвердить свою альтернативную концепцию, мне нет надобности сводить на нет существующие теории — хотя бы в силу того, что эти теории способны объяснить лишь незначительный процент вариаций преступного поведения. Моя стратегия заключается, в частности, в том, чтобы включить некоторые достижения существующих социологических исследований феномена преступления в теорию, которую я стремился сделать одновременно более общей по охвату ситуаций и более мощной по возможностям толкования.

Неоценимую помощь в работе над книгой оказали Питер Грабоски, Доналд Крэсси, Дейвид Бэйли, Маршалл Клайнард,

Джилберт Гейс, Дэн Глэйзер, Генри Понтелл, Сэт Мухерджи, Карл Клокарс, Грант Уордло, Филип Петтит, Ясек Курцевски, Иван Потас, Стефен Магфорд, Анита Мак, Фрэнк Джонс и другие участники семинаров в университете штата Делавэр, в Калифорнийском университете (Ирвин) и Австралийском государственном университете, а также Робин Дерикурт из Кембридж Юниверсити Пресс. Я бесконечно благодарен редактору Ширли Перчейз, Мишель Робертсон за ее многократные хождения в библиотеку с тем, чтобы вернуть книги, которые я цитировал в этой своей работе, Беверли Булпит за ее помощь в напечатании текста. Особенно я признателен Бренту Фиссу за те многочисленные беседы, которые мы вели в течение нескольких лет, работая над книгой «Влияние паблисити на корпоративных преступников» и благодаря которым, собственно, и возник мой интерес к изучению *феномена стыда* как механизма контроля над преступностью.

Эта книга посвящена теме *стыда.* Понятие стыда находилось на пике своей популярности в викторианскую эпоху. В частности, Линд (Lynd, 1958) отсылает нас к викторианским романам, таким, как «Анна Каренина» Льва Толстого, предлагая вспомнить, что *чувство стыда*, играющее весьма скромную роль в современной литературе и общении, когда-то было доминирующим. В постфрейдовскую эпоху значительно бóльшую популярность приобретает категория *вины*. Однако в Новом Завете слово *вина* не употребляется, в то время как слово *стыд* встречается многократно. Шекспир использует слово *стыд* в девять раз чаще, чем слово *вина* (Lynd, 1958: 25). Вероятно, современные исследователи могут испытывать известный дискомфорт, столкнувшись в рассуждениях о преступлении с таким старомодным понятием, как *стыд*. Однако, когда мы говорим, например, о преступлениях «белых воротничков», слова, характеризующие *моральное негодование*, не кажутся нам столь уж устаревшими. В каком-то смысле именно специальная литература, анализирующая «беловоротничковую» преступность, привела автора к использованию столь явно викторианского анализа преступления, который представлен в этой книге.

1 КУДА ДВИЖЕТСЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ?

Концептуально автор исходит из того, что основным средством контроля над преступностью является культурно обоснованное стремление внушать *чувство стыда* за проступки, но внушать его таким образом, чтобы это чувство было, как я его называю, *воссоединяющим*. Низкий уровень преступности отличает те общества, где внушение чувства стыда мощно в своих проявлениях, но не переходит определенные рамки, и, наоборот, к совершению преступлений прибегают те люди, которые отгорожены от чувства стыда за свои деяния. Однако, если внушать чувство стыда неразумно, это может привести к обратному эффекту. Кроме того, в данном исследовании предпринимается попытка выделить такие разновидности внушения стыда, которые скорее являются причиной преступности, чем предотвращают ее.

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ

Преступление — понятие неодномерное. Поэтому нельзя с чрезмерным оптимизмом относиться к возможности существования теории, предназначенной для того, чтобы объяснить причины всех видов преступлений. На самом деле, до недавнего времени я был настолько пессимистично настроен в этом отношении, что считал заблуждением любые попытки, предпринятые в этой области. Очевидно, что набор факторов, с помощью которых можно объяснить такое преступление, как изнасилование, отличается от того, которым можно объяснить кражу.

Очевидно также, что сегодня существует целая традиция криминологических теорий, которые, претендуя на универсальность, в действительности лишь указывают на причины мужской преступности, игнорируя женскую, так как акцентируют внимание на обстоятельствах и условиях социализации мужчин как главных факторах ее возникновения. Другие теории, определяя урбанистическую среду как причину преступности, делают основной упор на преступлениях в мегаполисах, исключая тем

самым из сферы своего внимания преступность в небольших городах и сельской местности. Одни исследователи изучают причины преступности несовершеннолетних, но забывают о взрослых нарушителях закона, другие — пренебрегают необходимостью искать объяснение «беловоротничковой» преступности.

Несмотря на то, что понятие *преступления* объединяет в себе самые разнообразные варианты поведения, я позволю себе утверждать, что между различными видами преступлений достаточно много сходства, а отсюда возможно их общее толкование. Однако сходство отнюдь не присуще природе этих несопоставимых друг с другом действий. Оно возникает на основании того факта, что преступление, какую бы форму оно ни принимало, является таким видом поведения, который, в отличие от большинства других действий, вызывает в обществе негативную реакцию и за которым такая реакция устойчиво закреплена. Люди, совершающие преступления, не могут продолжать совершать их, не осознавая установленного в обществе порицания, которое вызывают их действия. В отличие от сторонников *теории ярлыков (стигматизации)* я, таким образом, придерживаюсь той точки зрения, что преступление — это именно *качественная характеристика действия*, при этом разница между *поведением* и *действием* заключается в том, что поведение — не более чем физический процесс, действие же всегда имеет социально заданное значение. «Осознание того, что действие является отклонением от социальной нормы, в корне изменяет природу совершаемого относительно этого действия выбора» (Taylor *et al*, 1973: 147).

Считается, что нет никакого отклонения от нормы в том, чтобы, используя шприц, ввести себе в вену наркотическое средство, потому что врачи в больнице делают это каждый день. Девиантное поведение — это лишь поведение, которое сами люди обозначили как девиантное. Насколько бы произвольным ни был процесс такого обозначения, именно тот факт, что преступник сам выбирает тип поведения, зная, как это поведение может быть обозначено, и отличает преступный выбор от любого другого. В природе такого выбора заложено заведомое неповиновение нормам, что и делает его отличным от других социальных действий.

Джимми и Джонни находятся лицом к лицу с возможностью совершить преступление: перед ними незапертая машина.

Рассматривая эту возможность, Джонни начинает чувствовать угрызения совести. Он думает о том, какое чувство стыда будет испытывать его мать, если его задержат, и, в конце концов, отступает. Джимми, наоборот, не пасует, угоняет машину и оказывается достаточно невезучим, потому что его ловят. Он предстает перед судом, сознается в совершенном преступлении, ему выносят приговор, о чем потом сообщается в местной газете. В этой ситуации Джимми, Джонни, мать Джонни, судья и читатели этой газеты едины в убеждении относительно того, что является преступлением и какими полномочиями обладает суд в отношении задержанных преступников. Единственная возможность, чтобы все эти взаимодействия имели смысл для участников ситуации, заключается в наличии у них общего взгляда на определенные институциональные порядки — в данном случае на уголовное право и систему уголовной юстиции. Критически важным моментом оказывается то, что все они, взывая к институционально установленному порядку, помогают его воспроизведению. Джимми и Джонни, их родственники, задержавшие их полицейские, судья — все воспринимают уголовное право и систему уголовного правосудия как «реальные» понятия, позволяющие классифицировать действия Джимми. Эти понятия являются официально установленными отношениями, которые, с одной стороны, регулируют и определяют общение граждан с полицией и судом, а с другой стороны — конституируются тем набором интеракций, через которые прошел Джимми. Уголовное право и система уголовной юстиции «реальны» как раз потому, что бессчетное множество людей, подобных задействованным в данной ситуации, воспринимают их как реальные и воспроизводят посредством подобных взаимодействий.

Полагаю, что утверждение У. А. Томаса (Thomas, 1951:81) о том, что если участники ситуаций «определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям», не совсем верно. Это знаменитое изречение исходит из того, что такое явление, как преступление, может быть нереальным, однако оно может оборачиваться определенными последствиями, если люди определяют его как реальную ситуацию. Скорее, все происходит по-другому: преступление воспроизводится как некая реальность неоднократным повторением последовательности действий, подобных действиям Джимми и Джонни. Точно так же, стыд,

совесть, власть и полномочия полиции и суда — то, что удержало Джонни, но не Джимми, являются структурными и психологическими сдерживающими факторами, которые, в свою очередь, воспроизводятся теми же взаимодействиями, что и собственно *преступление*. Таким образом, социальные структуры, такие как *система уголовной юстиции*, являются и источником, благодаря которому для действующих лиц их действия обретают смысл, и одновременно продуктом этих действий. Социальная структура воспроизводится как объективная реальность, частично сдерживающая те самые действия, которые ее конституируют (Giddens, 1984).

Теория любой совокупности X останется лишь несостоятельной идеей, если заранее не предполагается, как это определяет Филип Петти (Philip Pettit, pers. comm., 1986), объясняемость X. Для того чтобы поддаваться объяснению, совокупность предметов X не обязательно должна быть абсолютно однородным классом, но однородным лишь в той мере, чтобы любой предмет или большинство предметов из X подпадали под влияние одних и тех же причинных связей. Невозможно выяснить, подлежит ли объяснению какой-либо класс действий в отсутствии развитой теории этого класса. Изначально жирафы, клевер и тритоны могут показаться гетерогенным классом, но теория эволюции убедительно доказывает обратное. От общей теории вовсе не требуется объяснение всех вариаций для всех типов случаев, но лишь объяснение некоторых вариаций для всех типов случаев.

Однородность, которая имеется в виду в данной теории, охватывающей такие несопоставимые типы преступлений, как изнасилование и кража, заключается в том, что и то и другое является следствием выбора, совершаемого преступником, осознающим, что он бросает вызов обществу и выбирает преступную возможность, которая всеми воспринимается как преступная. В конце второй главы специально подчеркнуто, что почти в каждом обществе существует почти абсолютное единство мнений в отношении большинства норм уголовного права. Однако есть небольшое количество уголовных законов, которые не всеми рассматриваются как оправданные и справедливые. Это — законы, запрещающие курение марихуаны в либерально- демократических странах, или законы, позволяющие классифицировать некоторые действия как политические преступления против государства, в

странах коммунистических. Нарушение подобных законов *теория воссоединяющего стыда*, безусловно, не рассматривает. В демократических странах действия, которые не всеми воспринимаются как уголовно наказуемые, — это так называемые преступления без жертвы. Оговоримся сразу, что мы будем оценивать уровень преступности, основываясь только на насильственно-хищнических преступлениях[2] против личности и собственности (Braithwaite, 1979: 10-16).

Если осознание преступности деяния в корне меняет природу выбора, совершаемого относительно этого деяния, то ключ к универсальному объяснению преступлений лежит в определении тех факторов, которые влияют на способность некоторых индивидуумов и коллективов отвергать, игнорировать или поддерживать институализированное в культуре *порицание*, вызываемое преступлением. Настоящая концепция как раз и выделяет ключевой в этом отношении фактор — своего рода вид неформальной социальной поддержки институализированному порицанию, содержащемуся в уголовном праве. Этот фактор — *стыд*.

В противовес утверждениям сторонников *теории ярлыков*, мы полагаем, что внушение чувства стыда правонарушителям — непременное условие низкого уровня преступности. Однако внушение чувства стыда может иметь и обратный эффект в том случае, если это чувство отчуждает, а не является воссоединяющим. Чувство стыда контрпродуктивно, если подталкивает людей в тиски криминальных субкультур. Стыд становится средством предупреждения преступности тогда, когда он, будучи мощным в своем проявлении, связан с ритуалами воссоединения преступника с сообществом законопослушных граждан. Позиция сторонников *теории ярлыков* не позволила им провести разграничение между двумя принципиально разными явлениями. Первое — это криминогенные последствия несмываемой, отчуждающей стигмы, которая распространяется на самого человека, а не на его правонарушение; второе — это влияние воссоединяющего стыда, который влечет за собой снижение преступности. Именно из-за отсутствия разграничения этих двух моментов основные постулаты

---

[2] В оригинале predatory crime. Преступления, которые происходят по схеме «хищник-жертва». — *Прим. перев.*

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ **3**

ПРЕДИСЛОВИЕ **10**

1. КУДА ДВИЖЕТСЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ? **12**
ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ 12
КРИМИНОЛОГИЯ КАК ПРИЧИНА ПРЕСТУПНОСТИ? 18
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ 23
ТЕОРИЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАРИСОВКА 28

2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ: ТЕОРИИ ЯРЛЫКОВ, СУБКУЛЬТУР, КОНТРОЛЯ, ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ОБУЧЕНИЯ **33**
ТЕОРИЯ ЯРЛЫКОВ 33
ТЕОРИЯ СУБКУЛЬТУР 40
ТЕОРИЯ КОНТРОЛЯ 49
ТЕОРИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ 55
ТЕОРИЯ ОБУЧЕНИЯ 59
О КОНСЕНСУСЕ 64

3. ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ, КОТОРЫМ ДОЛЖНА СООТВЕТСТВОВАТЬ ТЕОРИЯ ПРЕСТУПНОСТИ **73**
НЕУДАЧА ГОСПОДСТВУЮЩИХ ТЕОРИЙ В ОБЪЯСНЕНИИ ДАННЫХ, КОТОРЫМ ДОЛЖНА СООТВЕТСТВОВАТЬ ТЕОРИЯ ПРЕСТУПНОСТИ 81

4. СЕМЕЙНАЯ МОДЕЛЬ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ВНУШЕНИЕ ЧУВСТВА ВОССОЕДИНЯЮЩЕГО СТЫДА **85**
СЕМЕЙНАЯ МОДЕЛЬ 88
ЧТО ТАКОЕ ВНУШЕНИЕ ЧУВСТВА СТЫДА? 90
РАЗДЕЛЕНИЕ ЧУВСТВА СТЫДА И НАКАЗАНИЯ 92
ВНУШЕНИЕ ВОССОЕДИНЯЮЩЕГО СТЫДА В ЯПОНИИ 95
ВНУШЕНИЕ ЧУВСТВА СТЫДА И СУБКУЛЬТУРЫ 102

5. ПОЧЕМУ И КАКИМ ОБРАЗОМ ДЕЙСТВУЕТ ВНУШЕНИЕ ЧУВСТВА СТЫДА? **107**
ЛИТЕРАТУРА ПО ТЕОРИИ УДЕРЖАНИЯ 107
ВНЕ ГРАНИЦ УДЕРЖАНИЯ, ВНЕ ГРАНИЦ ОПЕРАНТНОГО ОБУСЛОВЛИВАНИЯ: СОВЕСТЬ И СТЫД 109
МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ СЛУХОВ И ПЕРЕСУДОВ 115

«УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА» ПО ВСЕМУ РЕПЕРТУАРУ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 118
ПРОБЛЕМА НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ 121
ВЫВОДЫ 122

6. СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ, БЛАГОПРИЯТСТВУЮЩИЕ ВНУШЕНИЮ ЧУВСТВА ВОССОЕДИНЯЮЩЕГО СТЫДА 127
СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 127
ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОММУНИТАРНОСТИ 128
КОММУНИТАРНОСТЬ И ВНУШЕНИЕ ЧУВСТВА СТЫДА 129
КОММУНИТАРНОСТЬ И ВОССОЕДИНЕНИЕ 131
ПОКАЗАТЕЛИ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ 134
КУЛЬТУРНАЯ ОДНОРОДНОСТЬ 140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 144

7. КРАТКОЕ РЕЗЮМЕ ТЕОРИИ 146
ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ 147
КРАТКОЕ РЕЗЮМЕ ТЕОРИИ 149
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ? 153
СПОСОБНОСТЬ ТЕОРИИ ОБЪЯСНИТЬ ТО, ЧТО НАМ ИЗВЕСТНО О ПРЕСТУПНОСТИ 154
МАНЕВРЫ СО СТАЛКИВАЮЩИМИСЯ ЛОКОМОТИВАМИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ 157

8. ПРОВЕРКА ТЕОРИИ 159
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 159
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 163
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ 173
МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОСНОВАННЫЕ НА ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКЕ 176
ЭКСПЕРИМЕНТ 177
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 179

9. ВНУШЕНИЕ ВОССОЕДИНЯЮЩЕГО СТЫДА И БЕЛОВОРОТНИЧКОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ 180
ВЛИЯНИЕ ПАБЛИСИТИ НА КОРПОРАТИВНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ 181
КЛЕЙМЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ СУБКУЛЬТУР 185
САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ И СЕМЕЙНАЯ МОДЕЛЬ НАКАЗАНИЯ 193
КОММУНИТАРНОСТЬ 196
ВЫВОДЫ НА НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ 201
НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ В СВЯЗИ С КОНТРОЛЕМ НАД ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ОРГАНИЗАЦИЯХ 203

10. ВНУШЕНИЕ ЧУВСТВА СТЫДА И ХОРОШЕЕ ОБЩЕСТВО 219
И СНОВА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР..... 220
ДИЛЕММА СТЭНЛИ КОЭНА 223
СТЫД И НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ..... 226
РАСКАЯНИЕ 232
БОЛЬШЕ, ЧЕМ ТЕРПИМОСТЬ И ПОНИМАНИЕ..... 237
БОЛЬШЕ, ЧЕМ ИНДИВИДУАЛИЗМ..... 242
УСТРАНЕНИЕ НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ В СТИЛЯХ СОЦИАЛИЗАЦИИ: ОТ СЕМЬИ К ДРУГИМ ИНСТИТУТАМ 250
ВЫВОДЫ ДЛЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ 255
О ПОЛИЦИИ И ПОДДЕРЖАНИИ ПРАВОПОРЯДКА 262
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВОССОЕДИНЯЮЩИЙ СТЫД И ХОРОШЕЕ ОБЩЕСТВО..... 265

Коментарии 268

Литература 278

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Джон БРЕЙТУЭЙТ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ, СТЫД И ВОССОЕДИНЕНИЕ

Перевод с английского
И. Е. Покровина

(Російською мовою)

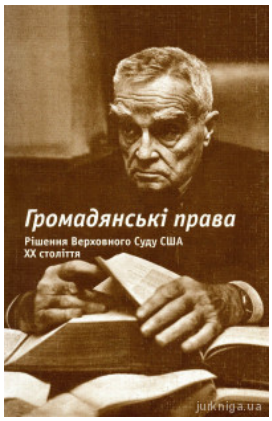
Підписано до друку 07.12.2021 р. Формат 60х84 1/16.
Друк лазерний. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 20,0. Тираж 300 прим.

ТОВ «КНТ»

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 581 від 03.08.2001.

Книги, які можуть вас зацікавити

Громадянські права. Рішення Верховного Суду США. XIX століття



Громадянські права. Рішення Верховного Суду США. XX століття

Кодекс адміністративного судочинства України

Цивільний Кодекс України

Цивільний процесуальний кодекс України

Кримінальний процесуальний кодекс України

Перейти до галузі права
Кримінальне право та процес

ЮРКНИГА
від теорії до практики

Перейти на сайт →